

встреча с интересным собеседником

Театр — это человеческая душа

Владлен Бирюков — актер «Красного фанела». На днях он получил звание заслуженного артиста РСФСР. Но еще раньше стал лауреатом Государственной премии СССР. За роль доктора Астрова в постановке «Дядя Ваня», показанной краснофакельцами на Всероссийском смотре спектаклей драматических и детских театров, посвященных 120-летию со дня рождения А. П. Чехова, Бирюков получил диплом Министерства культуры РСФСР и ВТО. А его роль комбата Тихонова в фильме «Приказ: перейти границу» отмечена золотой медалью Государственного комитета СССР по кинематографии, Союза кинематографистов СССР и Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. Высоко оценено Министерством культуры РСФСР и ВТО исполнение им роли секретаря обкома в спектакле «Правда памяти», показанном в Мадридском театре на фестивале спектаклей о рабочем классе.

Беседа с Бирюковым началась необычно. Вместо привычных вопросов, как актер пришел в искусство, где и у кого учился, я спросил, когда, по его мнению, он почувствовал себя сформировавшимся артистом: в Новосибирском ТЮЗе, где прошло первое пятилетие его творческой жизни, или «Красном фанеле», где он играет вот уже двенадцать лет!

— А я не почувствовал, что сформировался, — ответил Владлен Егорович. — Думаю, что актер вообще не может «сформироваться». Это означало бы, — продолжил он, — что достигнут какой-то предел. А в искусстве такого не бывает. Артист, как и всякий настоящий художник, совершенствует свое мастерство всю жизнь. Потому наш труд и называют творческим. Если исчезнет жажда или, еще хуже, возможность творить, на сцене делать нечего. Короче говоря, артисту, если он хочет быть не ремесленником, а творцом, всегда должно чего-то не хватать. По крайней мере, он должен испытывать такое ощущение.

— И чего же не хватает вам?

— Многого. И прежде всего честного разговора со зрителем. Повинны в этом, думаю, во многом драматурги. Ведь характер нашего со зрителем разговора, его тематическая направленность что ли, определяется прежде всего пьесой, литературной первоосновой роли. А она, роль, очень часто неглубока, конфликты надуманы, острые углы сглажены. Попробуй тут сыграть так, чтобы зрителя задеть за живое, вызвать у него эмоциональный отклик.

Вот, в последние годы написаны десятки пьес, получивших название производственных. Герои их воюют с недостатками в промышленности, строительстве, в сельском хозяйстве. Наверное, все это нужно делать. Но не на таком художественном уровне. Ведь возмать почти любую из этих пьес. Зритель заранее знает, кто из героев прав, а кто, так сказать, едет не в ту степь. А мы, актеры, играя такие роли, вынуждены делать вид, что всерьез сражаемся против зла. Однодневки это, а не произведения драматургии, и не функция театра показывать надуманные конфликты, где нет ни живого дела, ни живых человеческих характеров.

— Вы сыграли не один десяток ролей на театральной сцене, снялись в нескольких заметных фильмах, в том числе в девятнадцатисерийной экранизации романа Иванова «Вечный зов». Наверное, вам не раз пришлось встретиться и с героями, которые заинтересовали, по-настоящему взволновали!

— Безусловно! Тот же Алейников из «Вечного зова». Характер сложный, противоречивый. Он не плох и не хорош. Да, он ошибается, тяжело расплачивается за это. Но он живет со страстью, видит цель, стремится к ней. Устроить суд совести над самим собой — это может не каждый. Или комбат Тихонов в фильме «Приказ: перейти границу». Опять неординарная натура, живой человеческий характер. Потому и играть его было интересно.

— А в театре!

— То же самое. Если есть правда жизни, характер, будет роль или, как говорят в таких случаях, правда искусства.

— Здесь мы, кажется, вплотную подошли к проблеме положительного героя!

— Сложная это проблема. Откровенно говоря, я не очень верю в существование «голубых» героев в жизни, а следовательно, и на сцене. С трудом представляю себе человека, у которого все было бы идеально. А уж как сыграть такого на сцене, признаюсь, и понятия не имею.

— Тем не менее, проблема положительного героя по-прежнему остается одной из главных в советском искусстве.

— Да, но все дело в том, как понимать и как играть героя, который бы вызывал желание подражать. Мне, например, думается, что это должен быть не заданный персонаж, чистый, как рафинад, без сучка и задоринки, а человек, во время сценической жизни преодолевающий недостатки. Ведь не секрет, что куда интереснее играть не результат, даже если это подвиг, а процесс его достижения, свершения. Иначе как же можно показать жизнь человеческого духа. А ведь без этого, без столкновения характеров, страстей театра просто не может быть.

— Владлен Егорович, последний вопрос: с каким чувством вы выходите играть не в премьерном, а в уже обкатанном спектакле!

— О чувствах говорить не стану, — о настроении скажу: обычно в эти минуты оно бывает плохим. Тревожно как-то на душе. Ведь никогда не знаешь, как сложится твоя сценическая жизнь в эти два часа. Другой раз и играется, вроде бы, легко, свободно, речь льется, как у соловья. А товарищи, смотревшие из зала, говорят: «Ну ты и играл! Дурнее некуда». И наоборот бывает: чуть ли не мучаешься на сцене, все тебе самому не нравится, думаешь — проваливаешь роль. А после игры слышишь: «Сегодня ты был в ударе!»

— И что же случается чаще?

— Об этом не мне судить, а тем, кто в зале.

Беседу вел Е. КВЕЦИНСКИЙ.